

С. Б. Полич

ГРАНИЦЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

S. B. Polich

LIMITS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL PROCEEDINGS

В статье исследуется основополагающий принцип гражданского права — добросовестность субъектов гражданских прав — в контексте его практической реализации, раскрывается содержательный анализ принципа добросовестности в гражданском праве, анализируются пределы (границы) реализации принципа добросовестности в гражданском праве, равно пределы (границы) реализации принципа добросовестности в гражданском процессе. Преобладающий акцент исследования — в установлении практических границ реализации принципа добросовестности в гражданском процессе.

Ключевые слова: конституционные принципы судопроизводства, принципы гражданского права, принципы гражданского процесса, принцип добросовестности, злоупотребление гражданским правом, злоупотребление процессуальными правами и неисполнение процессуальных обязанностей.

The article studies the fundamental principle of civil law, the good faith of the subjects of civil rights, in the context of its practical implementation, reveals the content analysis of the principle of good faith in the civil law, and analyzes the limits of the principle of good faith in civil right, as well as limits of the principle of good faith in civil proceedings. Predominant focus of the research is to establish the practical boundaries of the principle of good faith in civil proceedings.

Keywords: constitutional principles of justice, principles of civil law, principles of civil proceedings, the principle of good faith, abuse of civil law, abuse of procedural rights and procedural obligations failure.

Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав и их судебной защиты (п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации — далее ГК РФ).

При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ).

Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Перечисленные нормы законодательства при определении общих правил поведения участников гражданского оборота не квалифицируют эти правила как принципы гражданского права.

Эти терминологические конструкции законодателя позволили, полагаем, некоторым ученым-цивилистам разделять правовые понятия «принципы гражданского права» и «основные начала гражданского законодательства» [2].

Принцип — это ведущее начало, закон данного движения материи и общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения, как справедливо в свое время давал квалификацию этому понятию С. Н. Братусь [1, с. 48].

Принципы гражданского права являются обобщенным понятием, квинтэссенцией тех правовых явлений, которые сами по себе характеризуют регулируе-

мые этими принципами общественные отношения.

Полагаем, что добросовестность может рассматриваться именно в качестве принципа гражданского права, поскольку основное содержание постулата «добросовестность» направлено на достижение разумного и ответственного поведения участников гражданского оборота, а также затрагивает регулирование широкого пласта общественных отношений.

Принцип добросовестности является важным мериллом поведения участников гражданского оборота вне зависимости от их дееспособности, в том числе имущественного статуса.

Каковы границы реализации принципа добросовестности, и с помощью каких институтов они могут быть установлены.

Попытаемся рассмотреть законодательные границы (пределы) принципа добросовестности сквозь призму использования способов защиты гражданских прав, установленных законодательством.

Общеизвестно, что сделки выступают одним из самых распространенных юридических актов, а *de-facto* — локомотивом гражданского оборота, характеризующим его основную сущность — движение и развитие.

Следует отметить, что современный законодатель четко сконструировал законодательные границы применения принципа добросовестности к таким способам защиты гражданских прав, как то: признание недействительной оспоримой сделки, применение последствий недействительности оспоримой сделки, применение последствий недействительности ничтожной сделки, равно как и возможность признания недействительной ничтожной сделки.

В силу п. 2 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) (в редакции Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ) требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки или иным лицом, указанным в законе.

Согласно п. 3 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) (в редакции Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ) требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе применить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

Кроме того, все обозначенные законом должны иметь охраняемый законом интерес в применении таких способов защиты

как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, а само по себе поведение одной из сторон сделки не должно свидетельствовать о намерении сделку сохранить, иначе в иске будет отказано.

Определяющий или основополагающий фактор реального применения принципа добросовестности констатируется в положениях п. 5 ст. 166 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ), согласно которым заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Не секрет, что практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции в последние двадцать лет зачастую не учитывала принцип добросовестности в вопросе применения такого способа защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной и применение последствий недействительности ее недействительности.

Следует при этом отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2003 году фактически обозначил необходимость реального применения принципа добросовестности в практике судов при разрешении конкретных гражданско-правовых споров [3].

«Содержащиеся в п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ общие положения о последствиях недействительности сделки в части, касающейся обязанности каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке, — по их конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со ст. 166 и 302 ГК РФ — не могут распространяться на добросовестного приобретателя, если это непосредственно не оговорено законом, а потому не противоречат Конституции Российской Федерации.

Названное правовое регулирование отвечает целям обеспечения стабильности гражданского оборота, прав и законных интересов всех его участников, а также защиты нравственных устоев общества...» [3].

Соответственно, юридическая и фактическая невозможность реального применения такого способа защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности без учета принципа добросовестности участников гражданского оборота, позволяет установить

границы (пределы) фактической реализации этого принципа.

Установление границ реализации принципа добросовестности, полагаем, может быть обусловлено судебными прецедентами об отказе в принадлежащем субъективному праву на судебную защиту, в том числе в применении такого способа защиты, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности.

Отметим, что такие прецеденты зачастую рассматривают принцип добросовестности в контексте недопустимости злоупотребления правом.

Так, в частности, в одном из дел арбитражный суд непосредственно указал, что «последствия совершения сделки с нарушением обязательных требований законодательства должно нести то юридическое лицо, которое недобросовестно действовало при заключении сделки, а не добросовестно заблуждавшийся контрагент по сделке.

При этом доказывать недобросовестность и неразумность действий должен тот, кто с таким поведением связывает правовые последствия.

Действия по заключению сделки могут быть признаны злоупотреблением правом, если будет установлено, что такая сделка направлена исключительно на нарушение прав и законных интересов иных лиц. При этом исключительная направленность сделки на нарушение прав и законных интересов должна быть в достаточной степени очевидной, исходя из презумпции добросовестности поведения участников гражданского оборота».

Не усмотрев таких намерений у контрагентов по сделке, в соответствии с которой имущество общества было продано по цене значительно ниже рыночной стоимости, арбитражный суд в иске отказал [4].

По другому делу судом было установлено недобросовестное поведение контрагентов по сделке купли-продажи земельного участка (компании и муниципального образования), когда для целей эксплуатации хозяйственной постройки площадью 15,6 кв. м компании муниципальным образованием был предоставлен в собственность за плату по правилам статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации земельный участок площадью 4 696 кв. м, а впоследствии земельный участок был продан обществу.

«Системное толкование статей 35 и 36 Земельного кодекса Российской Федерации позволяет прийти к выводу о том, что собственник здания, строения,

сооружения вправе испрашивать в собственность или в аренду земельный участок с целью эксплуатации объектов, находящихся на участке.

Пунктом 7 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что границы и пределы земельного участка определяются с учетом фактически используемой площади.

По сути, муниципальное образование дезавуировало применение порядка предоставления земельных участков для строительства из земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, открыло возможность для недобросовестного застройщика приобрести незаконные имущественные выгоды в обход закона.

Суд признал действия компании, знавшей об оспаривании возникновения права собственности на земельный участок и продавшей участок обществу, и само общество, которое, заключая спорную сделку при той степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась, не могло не знать о судебных притязаниях на земельный участок в качестве лиц, злоупотребивших правом.

Подобные действия арбитражным судом также были квалифицированы как нарушение принципа добросовестности гражданского оборота» [5].

Очень показательным является следующий пример арбитражной судебной практики.

По заказу департамента состоялся открытый аукцион в электронной форме на право заключения государственного контракта на выполнение работ по содержанию объектов, победителем которого выступило общество, вследствие чего между ними был подписан государственный контракт на бумажном носителе, хотя должен был быть заключен в форме электронного документа согласно положениям ст. 41.12 Федерального закона от 21.05.1994 № 94-ФЗ «О размещении заказов для поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд».

Оспаривая государственный контракт по правилам статьи 168 ГК РФ, департамент, несмотря на нарушение формы совершения контракта, соглашался с его исполнением, поскольку принял выполненные работы при отсутствии возражений и замечаний к их результату.

Отказывая в удовлетворении требований, суд обоснованно признал, что поведение департамента по оспариванию юридической силы сделки из-за порока формы не согласуется с принципом до-

бросовестности поведения участников гражданского оборота (статья 10 ГК РФ).

Кроме того, суд констатировал, что используемый департаментом способ защиты не создает ожидаемый для истца эффект, поскольку не освободит его от обязанности возместить стоимость работ и понесенных затрат на их исполнение, а, следовательно, не повлечет восстановления прав департамента [6].

Таким образом, границей реализации принципа добросовестности является

применение конкретного способа защиты субъективного гражданского права, скажем, о признании сделки недействительной, и применение последствий ее недействительности.

В том же случае, когда такой способ реализован участником гражданского оборота без соблюдения принципа добросовестности, то указанные фактические обстоятельства приводят к последовательному отказу в защите этого права.

Литература

1. Братусь, С. Н. Принципы советского гражданского права / С. Н. Братусь // Правоведение. — 1960. — № 1.
2. Вердинян, Г. В. Добросовестность в системе принципов гражданского права и основных начал гражданского законодательства / Г. В. Вердинян // Российская юстиция. — 2012. — № 11.
3. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, Э. А. Складной, Р. М. Складной и В. М. Ширяева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2014 по делу А39-2305/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2014 по делу А03-13984/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 16.04.2014 № Ф03-2259/2014.

ПОЛИЧ Светлана Байрамовна, заместитель председателя Арбитражного суда Челябинской области в отставке, канд. юрид. наук. 454091, г. Челябинск, ул. Воровского, 2. E-mail: poli1331@yandex.ru

POLICH Svetlana Bairamovna, resigned vice-chairman of the Arbitration Court of Chelyabinsk region, Cand. Sc. Law. 2, Vorovskogo Str., 454091, Chelyabinsk. E-mail: poli1331@yandex.ru

For citation: **S. B. Polich** Limits of Realization of the Principle of Good Faith in Civil Proceedings *Problemy prava (Issues of Law) founders journal* № 1 (49). 2015. pp. 148–151.

